

ЖИВОЕ СЛОВО О Н. А. НЕКРАСОВЕ

(Еще одна публикация из архива Ф. В. Смирнова)

Редко кто из писателей спел такой гимн России, как Некрасов. А его беззаветная, сыновняя любовь к Волге! Во многих стихах и поэмах Некрасова сверкает и трепетно бьется великая и волшебная русская река.

Они породнились на века — Некрасов и Волга. Он сам об этом признавался:

Но я реки любимой
не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето
укрываюсь
И, отдохнув, в столицу
возвращаюсь,
С запасом сил и ворохом
стихов.

А в волжской были «Горе старого Наума» поэт, высказывая свою мечту о будущем, прозорливо написал:

В случайной жизни
берегов,
Моей речи любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый,
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни:
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут,
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Только двадцать три года не дождался Николай Алексеевич Некрасов до двадцатого века.

Люди старятся, уходят из жизни — это вечное движение. Его не остановить...

Неужели никто из современников Некрасова не догадался побывать в тех волжских местах, где носила его муза и охотничья страсть, встретиться с людьми, которых он любил, с которыми дружил и которым поверял свои мысли и мечты?

1902 год... Уже двадцать пять лет прошло со дня смерти великого русского поэта. Деревня Грешнево... Тут рос впечатлительный и остроглазый Коля Некрасов...

На посох оперся худыми жи-

листыми пальцами старик, затеплил взгляд.

— Помню Николая Алексеича, мы с ним почти сверстниками были, — говорит Ераст Максимович Торчин. — И мать его помню... Добрая была барыня, часто упрашивала мужа своего, отца Николая Алексеевича, стало быть, коли собирался он кого высечь из своих крестьян. Иногда он усту-

пал, иногда возражал: «Если бы на крапиву не мороз, она бы и зимой жглась...». Барина Алексея Сергеевича больно-то худо не помянешь, да хорошим-то нечем...

До самой смерти Алексей Сергеевич старался сохранить молодой вид и, если где замечал у себя седой волос, тотчас приказывал лакею его вырывать. Охотиться любил. Бывало барин встанет, подойдет к окну, увидит, что пороши нет, и скажет: «Ах, черт возьми, опять нельзя ехать на охоту!».

Близке всех Николая Алексеевича Некрасова знал крестьянин деревни Орлово Кузьма Ефимович Солнцев. Ему семьдесят лет (1902 г.), довольно высокого роста, крепок, силен и выглядит лет на десять-пятнадцать моложе своего возраста. Борода седая, в голове седины не видно.

— Рассказать о Николае Алексеевиче? — Кузьма Ефимович оживился и воскликнул: — Как же! Мы с ним приятели были! Он был очень памятлива. Другая семья — большая, а он и на другой год всех по именам называет, записывал, что ли?

На охоту Николай Алексеевич выезжал с обозом из двух-трех телег, на которых были нагружены съестные припасы и прочее, что нужно для охоты и кочевья по полям и

лесам. Впрочем, если Николай Алексеевич забирался куда-нибудь далеко от обоза, то, проголодавшись, с удовольствием садился за крестьянскую еду. Ел и похваливал.

Стрелял Некрасов хорошо, с выдержкой. Добычу отчасти рассылал знакомым, раздавал сопровождавшим его на охоту крестьянам, а сам довольствовался одним насла-

ждением охоты. В его время в тех местах дичи было много! Теперь в двадцать раз меньше стало. Даже такой птицы, на которую не охотятся — скворцов, галок. А лесов сколько перевели, так и сказать нель-

зя. За все услуги Николай Алексеевич щедро платил крестьянам. Баба воды в кошке принесла — полтинник, молока или яиц спросил — рубль. Когда же он располагался обедать у своего обоза, то подносил водки всем прохожим, причем часто вступал с ними в разговоры... Очень он любопытен! Всех обо всем расспросит и запишет в книжку.

Отец его не любил. Только уж когда сын в гору пошел, ну, примирился с ним. Бывало, даже хвастался сыном. ...Эти записи были сделаны и опубликованы в книге «Перед некрасовскими днями» в 1902 году в Ярославле прогрессивным журналистом Федором Васильевичем Смирновым. (О нем более подробно я рассказывал в газете «Северная правда» в № 131, 193, 233 за 1980 г. — В. Б.).

Как мы должны быть благодарны этому человеку, который пешком обошел все некрасовские места на Волге и записал воспоминания крестьян о своем поэте-земляке.

В архиве Федора Васильеви-

ча Смирнова я обнаружил любопытнейший документ — «Подписной лист». О чем он? Вот что говорится во вступлении к нему:

«В декабре н/г (1902 года. — В. Б.) исполняется 25 лет со дня смерти Н. А. Некрасова. В Ярославском обществе содействия народному образованию возникла мысль почтить память поэта каким-нибудь хорошим делом. Между прочим, деятельно пропагандируется мысль купить часть усадьбы Н. А. Некрасова, находящейся ныне во владении крестьянина Титова, и устроить там библиотеку, а если позволят средства, то и школу имени поэта. (Усадьба эта находится в Грешневе Ярославского уезда).

Очень было бы желательно в данном случае обойтись совершенно без помощи правительственных учреждений и почтить память поэта своими средствами. Для этой цели инициаторы дела приглашают желающих пожертвовать на покупку части бывшей усадьбы Некрасова и устроить там библиотеку и школу.

17 сентября 1902 года.

Текст этого обращения был опубликован в либеральной газете «Северный край», издававшейся в Ярославле, разослан в соседние города Рыбинск, Вологду, Кострому.

Как видим, хорошее было задумано дело: «поэт народной печали и гнева», заявивший гордо: «Я музу посвятил народу своему», был достоин доброй памяти своих земляков.

«Подписной лист» пустили по рукам, сбор пожертвований начался. Основной расчет был, конечно, на интеллигенцию: врачей, журналистов, учителей, юристов, статистиков, артистов. Журналист Федор Васильевич Смирнов обошел все некрасовские места, встретился с людьми, знавшими и помнившими поэта, и выпустил сборник «Перед некрасовскими днями» (этот сборник хра-

дится у меня. — В. Б.). Гонорар за сборник автор передал инициаторам сбора средств. Одновременно Федор Васильевич разослал письма в Петербург, Москву, Киев и другие крупные города с обращением поддержать инициативу Ярославцев.

Правительственные организации холодно встретили «Обращение»: для них Некрасов был поэтом-бунтарем.

Сбор средств шел долго и трудно...

Вот он передо мной, «Подписной лист», с фамилиями, суммами взносов и прочерками то чернилами, то цветными карандашами. Даже и одна страничка «Подписного листа» осталась незаполненной! А пожертвования? Они были малы, скудны. Читаем: «Броневицкая — 1 руб., Кусков — 1 руб., Волков — 50 коп., Третьяковы — 1 руб., Свободин — 70 коп...». Набралось всего-навсего 45 подписей, а сумма сбора составила 34 рубля!.. Не удалось, при всем желании не удалось «почтить память поэта каким-нибудь хорошим делом».

С горечью писал Федор Васильевич Смирнов в своем сборнике: «Призыв этот остался гласом вопиющего в пустыне... Русское общество не лишено великих людей, но оно так убого умственно, что до сих пор еще не научилось чтить их память».

А русский народ любил своего великого поэта. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и уже 30 июля 1918 года в подписанном В. И. Лениным постановлении Совета Народных Комиссаров о сооружении памятников выдающимся деятелям революционного движения, науки и искусства в списке писателей и поэтов было названо имя Н. А. Некрасова.

Всей стране известен сегодня музей-усадьба Н. А. Некрасова в Карабихе. Здесь есть и библиотека, и школа имени поэта. В Ярославле на берегу Волги поставлен памятник Н. А. Некрасову. Поэт как бы обращается к преображенной Волге со знаменитыми словами:

О, Волга, колыбель моя,
Любил ли кто тебя, как я.

В. БОЧАРНИКОВ.